

Библиотека
психоанализа

Жерар
Швек

Д обровольные галерщики

*Очерки о процессах
самоуспокоения*

Библиотека психоанализа

Жерар Швек

**Добровольные галерщики. Очерки
о процессах самоуспокоения**

«Когито-Центр»

УДК 159.92
ББК 88

Швек Ж.

Добровольные галерщики. Очерки о процессах самоуспокоения /
Ж. Швек — «Когито-Центр», — (Библиотека психоанализа)

Некоторые люди кажутся добровольными рабами из-за навязчивого повторения одного и того же действия, которое не дает им возможности думать и мечтать. Они сами вынесли себе приговор – стать добровольными галерщиками. Книга Жерара Швека посвящена психоаналитическому осмыслению случаев терапии взрослых, демонстрирующих компульсивное влечение к смертоносному навязчивому повторению, а также детей, чье психическое функционирование чем-то напоминает поведение взрослых «галерщиков». В своем анализе автор опирается на экономическую теорию Фрейда и метапсихологические концепции ведущих представителей Парижского института психосоматики, развивая при этом собственное видение проблемы, прежде всего, в отношении роли самоуспокоительных приемов для уменьшения возбуждения, связанного с травматической реальностью.

УДК 159.92

ББК 88

© Швек Ж.
© Когито-Центр

Содержание

Предисловие	6
Глава I. Самоуспокоительные приемы, использующие навязчиво повторяющийся поиск возбуждения (Добровольные галерщики)	8
Глава II. Сокрушенные взрослые – гибнущие младенцы	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Жерар Швек
Добровольные галерщики. Очерки
о процессах самоуспокоения

Gerard Szwec

LES GALÉRIENS VOLONTAIRES

ESSAIS SUR LES PROCÉDES AUTOCALMANTS

Перевод с французского Г. Рошкэняну, Е. Давид

Научный редактор кандидат медицинских наук *Л. И. Фусу*

© Presses Universitaires de France

© Когито-Центр, 2015

Предисловие

Некоторые люди кажутся добровольными рабами из-за навязчивого повторения одного и того же действия. Они как бы находятся по ту сторону принципа удовольствия, околдованные своей собственной оператуарной роботизацией. Иногда они посредством повторения пытаются преодолеть ситуацию краха или отчаяния, к которой тем не менее компульсивно возвращаются и продолжают свои действия вплоть до изнеможения. Они гребут, бегут, плывут что есть сил, затем начинают все снова. Эта повторяющаяся до отвращения деятельность не дает им возможности думать и мечтать. Она уже давно является лишь привычным повторением стереотипного поведения, не допускающего ни передышки, ни отдыха. Они сами вынесли себе приговор – стать добровольными галерщиками.

Некоторые из них приходят на кушетку психоаналитика, но сопротивляются психоаналитической терапии, поднимающей трудные жизненные вопросы. Именно после встречи с несколькими такими пациентами у меня возникла идея написания этой книги. Теоретические концепции, которые я здесь излагаю, сформировались в ходе моей психоаналитической практики как со взрослыми, так и с детьми, чье психическое функционирование чем-то напоминает поведение взрослых «галерщиков».

Мы увидим, что эти пациенты подвержены соматическим нарушениям больше, чем другие, и в настоящей работе это стало одной из тем моих размышлений.

Ориентирами в моем подходе к изучению тех, кто превращается в галерщиков, были экономическая точка зрения и фрейдовская теория влечений. В этой работе мы увидим, как компульсивное влечение к смертоносному навязчивому повторению используется в приемах самоуспокоения, применяемых некоторыми из галерщиков, когда они пытаются уменьшить возбуждение, но их собственные защиты с этим не справляются, и тогда они начинают искать другой источник возбуждения.

Переживание опасности также может использоваться как способ самоуспокоения. Возможно, существуют и другие побудительные причины находиться на грани смерти, например, когда детская травматическая реальность, которую пациент старается повторить, становится источником возбуждения, а ее переживание пробуждает целый букет влечений, или когда игры со смертью выглядят как средство борьбы с разрушительной депрессией.

В этой работе я буду ссылаться на метапсихологические концепции, предложенные другими психоаналитиками, которые кажутся мне более или менее близкими к клинике добровольных галерщиков. Это работы Мишеля де М'Юзана, описавшего «рабов количества», Жана Курню, исследовавшего «опустошенных и сломленных», и Андре Грина, изучившего широкую группу пограничных состояний.

Несмотря на то, что по некоторым пунктам, например влечения к смерти, я придерживаюсь другой точки зрения, основой для меня была психосоматическая теория Пьера Марти. Больше всего в разработке моей теории я обязан работам Мишеля Фэна; в частности, предложенное им различие между спокойствием и удовлетворением было отправной точкой моих исследований о самоуспокоительных приемах. В последние годы работы над книгой мне очень помогло тесное личное общение с Мишелем Фэном и его одобрение моего труда.

После того, как в 1992 году на конференции Парижского института психосоматики мы вместе с Клодом Смаджа описали самоуспокоительные приемы, я продолжил свои размышления над этим явлением. Меня все больше интересовало его клиническое исследование и его осмысление в контексте психосоматической теории и психоанализа. Я старался углубить понимание того, каким образом самоуспокоительные приемы способствуют аннулированию неудач психического связывания и краха формирования репрезентаций прежней травмы.

Мне хотелось бы проследить тот путь, которым идут эти добровольные галерщики. Первую главу книги составляет доклад на тему самоуспокоительного поведения, представленный мною на мероприятии по случаю дня Парижского института психосоматики. В последующие главы включены другие исследования, которые я объединил в этой книге. Я скрупулезно сохранил хронологический порядок написания текстов, работа над которыми продолжалась в течение шести лет.

Глава I. Самоуспокоительные приемы, использующие навязчиво повторяющийся поиск возбуждения (Добровольные галерщики)

1

Область самоуспокоительных приемов достаточно обширна. Я ограничусь описанием лишь тех из них, которые используют повторяющийся поиск возбуждения. То, что мы называем расслаблением, достигается посредством моторики или перцепции и превращается, в частности, в поиск физического страдания, иногда даже доходящего до травматизма. В других случаях достижение спокойствия ожидается от истощения тела посредством механического, автоматического поведения с бесконечным повторением однообразных действий. Люди, использующие подобные приемы, достигают временного спокойствия, но не удовлетворения. Они замыкаются в системе навязчивого повторения, которая никогда не приносит удовлетворения.

Галера

Для начала следует обратить внимание на слова, сказанные Жераром Д'Абовиллем сразу после того, как он, наконец, причалил к берегу, завершив свой переход через Тихий океан на веслах: «Я прибыл из другого мира <...>, сейчас я нахожусь перед страшной пустотой. Я даже не смею закрыть глаза и вспомнить то, что я пережил. Это был настоящий ад»².

В газетных публикациях, посвященных его подвигу, часто звучит один и тот же вопрос. Он касается причин, которые могут подтолкнуть человека к тому, чтобы стать добровольным галерщиком.

Существует много разных добровольных галерщиков, поведение которых вызывает жгучий интерес: марафонцы, танцоры или спортсмены, практикующие интенсивные тренировки. Цель совершить подвиг часто маскирует иные, более скрытые цели, которые достигаются посредством повторяющегося напряжения тела и чувств, и через это напряжение они возвращаются к спокойствию, как и в других случаях применения самоуспокоительных приемов.

Я хочу проиллюстрировать свои слова примером одиночных гребцов-мореплавателей, а также случаем одного подростка, Рокки, который выбрал для себя другой вид галеры. Он не гребет, а в любую свободную минуту играет на ударных инструментах. Он уже два года проходит у меня психотерапию, и в течение этого срока я наблюдал за проявлениями его самоуспокоительного приема. Через два года я зафиксировал его эволюцию к другим сублиматорным функциям, что означает, что его самоуспокоительный прием как таковой сошел на нет.

Итак, я расскажу историю этого странного приема самоуспокоения и смогу обсудить его *экономическую роль и динамику*, определив его место между теми функциональными модальностями, которые предшествовали ему, и теми, которые за ним последовали.

¹ «Идентичное» повторение, при котором отсутствует какая-либо проработка травмы, Ж. Швек и М. де М'Юзан отличают от «сходного» повторения, при котором отмечается, пусть и минимальное, движение к проработке. – *Прим. пер.*

² Выдержки из высказываний одиночных гребцов взяты из газеты «Libération» от 22 ноября 1991 года.

Тяжелое травматическое состояние

Рокки привели ко мне в возрасте четырнадцати лет. В школе он испытывал серьезные проблемы. После того как он несколько раз оставался на второй год, его исключили из обычного школьного цикла и он стал ходить в школу для детей с нарушениями в развитии.

В соматическом плане он на протяжении нескольких лет страдал сильными мигренями и болями в животе, в восьмилетнем возрасте перенес инфекционный мононуклеоз, и в том же году ему была сделана операция по удалению аппендицита. У него наблюдались довольно частые и продолжительные лор-заболевания, ангины, он часто болел гриппом.

На первом плане его симптоматики находилось функционирование, близкое к травматическому неврозу, который мог возникнуть вследствие автомобильной аварии, в которой в возрасте пяти с половиной лет погибла его старшая сестра.

Ему тогда было всего три года, тем не менее он говорит, что запомнил многие детали этой аварии. Его навязчиво преследует картина, когда в состоянии шока от сильного удара его выбрасывает через дверцу автомобиля, в то время как сама машина опрокидывается на бок. Эта сцена является настоящим дневным, а также, возможно, ночным кошмаром, потому что он очень часто просыпается посреди ночи в состоянии отчаяния, причину которого не понимает. Он рассказывает об аварии, приводя и другие многочисленные детали, часть которых, безусловно, запечатлелась в его памяти. Он четко видит машину, которая выскочила перед ними на повороте. За рулем сидела его мать. Она получила многочисленные раны лица. Трое детей, среди которых был и он, сидели на заднем сиденье. Рокки находился слева.

Он получил раны волосистой части головы, которые требовали наложения швов. Его двухлетний брат сидел посередине. Он остался невредимым. Его сестра, находившаяся справа, умерла вскоре после аварии. Рокки выбросило через дверцу автомобиля, которая открылась с его стороны. Именно это мгновение он и видит снова и снова. Минуты, которые последовали за этим, более расплывчаты и размыты в его воспоминаниях. Но затем он вновь четко видит себя лежащим наверху какого-то откоса. Он также помнит, как ехал в карете «скорой помощи» вместе с матерью, склонившейся над его сестрой.

В его рассказе некоторые воспоминания, безусловно, искажены в попытке уменьшить их травматическое влияние. Например, когда он описывал созерцание самого себя как бы глазами своей матери в застывшей, остановленной сцене, возникало ощущение некоторого искажения. Это относится к таким моментам его воспоминаниями, когда он лежит после аварии на откосе или едет в машине «скорой помощи». Этими картинками он восполняет ту пустоту, которую оставили в его памяти вытесненные репрезентации.

Другие воспоминания, наоборот, исходят из непосредственного восприятия травмы, полученной в возрасте трех лет, которая, похоже, продолжает оставаться такой же активной и в четырнадцать лет. Пережитый травматический опыт, вероятно, прошел через период латентности, но так и не стал объектом успешного вытеснения. Прежде всего, это воспоминание момента выброса через дверцу машины, которое повторяется снова и снова.

Травматическое состояние проявляется также в психическом истощении и в своеобразном навязчивом поведении. Рокки, как выяснилось, все свое детство играл в игру, которая состояла в том, чтобы бесконечно провоцировать аварию, сталкивая две маленькие машинки. Этой игре так и не удалось связать травматизм, было достигнуто лишь незначительное смещение, при том что она мало способствовала символизации, поскольку повторяла аварию почти без изменений в том виде, в каком та запечатлелась. Эта игра выступала скорее как симптом травматического невроза, как повторение аварии, а не просто как детская игра.

Часть событий, произошедших во время аварии, похоже, выпала из поля непосредственного запоминания и психической обработки, или, проще говоря, была лишена возмож-

ности генерации новых репрезентаций, способных устанавливать связи с другими репрезентациями, уже созданными или будущими. Вместо этого образовался психический сектор с несвязанными репрезентациями, функционирующий, скорее, в регистре непреодолимого влечения к повторению в соответствии с модальностями травматического невроза. Воспоминание о выбросе через дверцу машины стало повторением травматического невроза аварии, и это повторение заменяет вытеснение в бессознательное и продукцию латентных мыслей.

Отсутствие интеграции этого травматического сектора и прерывание цепочек репрезентаций характеризует наши с Рокки отношения в начале психотерапии, очень скудные и очень банальные.

Редкие сны, о которых Рокки мне рассказывал в начале лечения, несли на себе отпечаток недостаточности работы сновидения. Они содержали реально пережитые сцены, копировали дневные события.

Чтобы дополнить описание психического функционирования Рокки в этот период, необходимо сказать несколько слов о трудностях обучения. Он не мог освоить правила согласования в английском и французском языках. Данный симптом, возможно, связан с периодом разногласий, отсутствием согласованного мнения родителей касательно их ответственности за тот несчастный случай. Ссоры между родителями проходили на повышенных тонах и продолжались вплоть до рождения замещающей дочки, когда Рокки было восемь лет. Эти ссоры, безусловно, продлили для него первоначальное травмирующее влияние аварии и способствовали сохранению ее травматического груза.

Оказалось, что сложности Рокки в следовании правилам согласования касались не только слов. Они проявлялись во всем и выражались в невозможности установления связей. Так, слово «переменчивый», используемое в географии для обозначения климата, кажется ему непонятным и приводит к резкому истощению мышления. У него возникают сложности со всем, что касается прошлого, например, с историей, а также и с французским языком при согласовании глаголов и причастий прошедшего времени. Ему нравится лишь настоящее время и то, что является неизменным. Тем самым он демонстрирует картину выраженного интеллектуального торможения.

В начале своего курса психотерапии он говорил мало. Он говорил лишь тогда, когда отвечал на вопросы, и это подталкивает меня к применению техники, в которой я предлагаю ему говорить на свободные темы, и я записываю его слова под диктовку. Тогда он начинает рассказывать о том, что только что сделал, но в сильно упрощенной форме. Я был там-то, я делал то-то и то-то. Его слова начисто лишены какой-либо аффективности. Он делает небольшие устные комментарии, которые касаются только фактов, без малейшего фантазирования. Например: «Мы с тем-то приятелем сделали шалаш. Затем мы вернулись домой. Ну, вот и все». Ничего не говорится ни о приятеле, ни о шалаше. Если я настаиваю, он может привести несколько дополнительных деталей. Даже речи нет о том, чтобы позволить себе хоть что-то представить или вообразить.

Воображаемое – это ничто!

Итак, сеансы проходят мучительно. Несмотря ни на что, мы в конце концов находим тему, которая несколько оживляет Рокки. Выясняется, что у него есть сосед, который играет на ударных инструментах, и он часами слушает, как тот репетирует, однако я не знаю, какие мысли посещают его в этот момент. Долгое время он ничего об этом сказать не может. Он начинает играть сам, и родители записывают его на курсы обучения игре на ударных инструментах.

Я прошу его сочинить текст на тему «История одного ударника». Он рассказывает мне следующее:

«В субботу после обеда, после урока игры на ударных, я иду к своему приятелю Джонни. Без двадцати пяти минут четыре мы идем в студию. После часа репетиции он делает перерыв. Он репетирует. Он опять репетирует. Он делает перерыв. Потом мы уходим».

Для него рассказывать – это сообщить мне «где» и «когда», обрамляя свои слова реальным временем и пространством.

Рассказать мне больше о своем приятеле он не может. Для него говорить – значит описывать, а он не может описывать, не видя, не имея поддержки в виде перцептивной реальности. И когда я стараюсь побудить его выразить свои скрытые фантазмы, он говорит мне: «*Воображаемое – это ноль!*». Эта фраза резюмирует все. Он не любит представлять или придумывать, ассоциировать, сближать что-то с чем-то. Он просто прилипает к реальности – вот и все.

Длинное оператуарное соло на ударных инструментах

Упражнения на ударных инструментах приобретут позже непомерно большое значение в его жизни. Они на самом деле замещают собой игру в аварии, которой он увлекался ранее, используя для этого свои маленькие машинки. Рокки упражняется на барабанах часами. Он живет в этом непрерывном шуме. Он отбивает на ударниках ритмы тяжелого рока всякий раз, как только появляется такая возможность, яростно и без нюансов, производя сильнейший грохот бесконечно повторяемыми движениями. Его тренировка (он называет это репетицией) – это как длинное соло на ударниках, занимающее все его свободное время.

Не похоже, чтобы он мечтал об известности или о концерте перед публикой. Он просто играет на ударных инструментах, и это все. Он мало интересуется музыкой и больше похож на одиночного гребца, чем на музыканта. Он производит впечатление человека, отдающего повторяющейся деятельностью в состоянии пустоты оператуарного типа.

На тот момент я охарактеризовал бы его деятельность тремя основными критериями:

- повторяющаяся автоматическая активность, которая занимает все время;
- моторная активность;
- звуковая активность, которая задействует слуховое восприятие сильных, яростных, насильственных звуков.

Рокки играет нечто вроде тяжелого рока под названием «The Dead». Это самая резкая, самая оглушающая и самая повторяющаяся форма тяжелого рока. Сама музыка сведена к минимуму в пользу скорости и повторения. Рокки превращает свои руки в ритмичную машину, в запрограммированную и автоматизированную двигательную машину.

Повторение оглушающего шума имеет особое значение. Количество сломанных им палочек свидетельствует о ярости звуков, которые он ищет, о резкости и о буйстве его деятельности в области моторики и перцепции. Под предлогом увлечения музыкой (он ею действительно слегка заинтересуется, но намного позже) его поведение повторяет в шуме и грохоте не проработанный и психически не связанный несчастный случай. Так он с помощью игры пытается совладать с возбуждением, которое осталось несвязанным после травмировавшей его аварии; у этого возбуждения не было другого выхода, кроме формирования травматического невроза.

В качестве активной телесной и сенсорной техники шум и действие ударного инструмента позволяют установить первый уровень связей между ощущениями в теле и перцепцией травматического возбуждения, до того «несвязываемого», через систему мысленных репрезентаций. *Это и есть характеристика приемов самоуспокоения.* Мы также констатируем тот факт, что этот прием позволяет Рокки обрести такой уровень функционирования и такую форму выражения, при которых моторика и сенсорика находятся на первом плане и остаются неразрывно связанными.

Связи и циркуляция ментальных репрезентаций, как мы увидим позже, разовьются впоследствии, но на данной стадии Рокки тратит всю свою энергию и все свои ресурсы на это бесконечное соло для ударных инструментов.

Об одиночных гребцах

В каждом жесте ударника мы можем увидеть действие с ритмом на два счета, которое, как и в других успокоительных приемах, вызывает рост напряжения и возврат к спокойствию. Ритм на два счета мы также находим в повторяющейся моторной деятельности одиночного гребца.

В статье Мишеля Фэна (Fain, 1992), в которой вводится и описывается понятие «успокоение», в самом ее начале автор размышляет о процедуре убаюкивания младенца при ранней бессоннице с помощью материнского укачивания. Обращение к этой статье представляется мне очень полезным, так как оно позволяет связать проблему успокоительных приемов со способом, которым передаются сообщения о беспокойстве от матери к ребенку. Я возвращаюсь к рассказу Жерара Д'Абовилля о том, как он засыпает во время своего одиночного плавания, опубликованному в газете «Либерасьон»: «Часто наблюдался один и тот же сценарий. Надвигается гроза. Ночь. Д'Абовилль пытается дремать. <...> Волны нарастают. Из предосторожности он ложится ногами вперед, чтобы в случае увеличения наклона ослабить удар о перегородку сапогом, а не затылком. В лучшем случае все внутри каюты ходит ходуном <...>. В худшем – вода бьет ключом через иллюминатор».

Следовательно, Д'Абовилль получает удар при каждом движении вперед и назад. Так он подвергается своего рода укачиванию. Ситуация далека от нежности напеваемых матерью колыбельных песенок, более того, суровые условия такого засыпания напоминают поведение детей, которые сильно и ритмично бьют себя по голове или бьются головой о стенку, выполняя таким образом ритуал для засыпания. Эти движения являются ранними проявлениями саморазрушения. Описывая таких детей, Мишель Фэн формулирует гипотезу о том, что их движения являются неким видом «интернализации укачивания, что ведет, по его мнению, к «идее интериоризации давящего возбуждения» этого укачивания, «по своей реализации аналогичного чистому инстинкту смерти».

Согласно М. Фэну, существует разница между «укачиванием, которое посредством этого специфического возбуждения снижает уровень возбуждения до самого низкого», и битьем себя по голове или головой обо что-то, «направленного на достижение физической боли, что, безусловно, связано с некой формой первичного мазохизма».

Это различие не всегда бывает легко установить. Самоуспокоительный прием, особенно в его самых аутоагрессивных формах, может содержать на начальном этапе, еще до достижения спокойствия, аккумуляцию возбуждения (мышечные судороги и напряжение, как в примерах с игроком на ударнике Рокки и с одиночными гребцами). Процесс самоуспокоения может доходить до поиска физической боли и даже, возможно, до ощущения «по ту сторону физического страдания», граничащего с чувством удовольствия³.

Таким образом, самоуспокоительный прием, как мне кажется, можно представить как двухтактный механизм, который сначала разъединяет влечения, прерывает их взаимосвязь, а затем связывает их вновь. Но эта активность является не психической, а поведенческой.

По мнению Мишеля Фэна, именно качество интериоризированного укачивания придает успокоительным приемам более или менее оператуарный вид. Следуя этой идее, мы можем

³ В конце данной главы я рассматриваю этот аспект поиска физической боли при самоуспокоительных приемах как форму безобъектного аутосадизма, а в седьмой главе я значительно развиваю идею самоуспокоительного использования самоспрогнозированной физической боли.

предположить существование некой личной связи индивидуума с укачиванием, которое имеет отношение к матери или, скорее, к цензуре матери, вновь ставшей любовницей. Цензура, определяющая существование движений регрессии, дает место активности мышления в противоположность регрессии, остающейся строго поведенческой и проявляющейся на уровнях перцепций и моторики.

Другими словами, каждый индивид имеет свою персональную связь с материнским укачиванием, несущую отпечаток его двойной природы. Мать, укачивая своего ребенка, передает ему, как подробно объяснил М. Фэн, все то, что связано со смыслом жизни, эротикой и влечениями самосохранения, а также то, что является манифестацией инстинкта смерти. Когда преобладает последний аспект, под его давлением повторяющееся поведение стремится заместить мышление.

Что же остается от мысли? Каким является, например, способ мышления Рокки, когда он, будучи один, часами бьет по барабанам, хотя, насколько я могу судить, у него не особо развито воображение и фантазирование?

Известный велосипедист Джино Бартали разработал технику езды, при которой он толчком, подпрыгивая, приостанавливал вращение педалей через каждые десять оборотов. Следовательно, ему надо было все время считать, что, похоже, приводило его психику в то же состояние программирования, автоматизма и повторения, в котором находились его ноги.

Мне кажется, что мышление музыканта, играющего на ударных инструментах, частично имитирует ту же модель.

Что касается Жерара Д'Абовилля, то «автоматизм» и «повторение» являются слишком слабыми словами, чтобы охарактеризовать его деятельность, которая состояла в том, чтобы, исходя из расчета семнадцати гребков в минуту, делать в день семь тысяч гребков веслами, чтобы покрыть дистанцию в десять тысяч километров. Такая запрограммированная физическая активность, по-видимому, сопровождается аналогичной активностью мысли, осуществляющей некий автоматический пилотаж. Он пишет: «Все время тот же припев, постоянно тот же ритм метронома <...>, тело вибрирует, как машина, и ум функционирует, подобно калькулятору. Он делает все подсчеты».

Этот способ мышления состоит из постановки для себя краткосрочных целей, как это делал Д'Абовилль: «Пройти треть маршрута. Дойти до второй части. До трех четвертей. До 9/10. До 99/100. И так далее».

Он говорит: «Это другое время, где минуты складываются в часы, часы в дни, дни в месяцы».

Возвращаться издалека

«Другое время», похожее на вечность, «другой мир, похожий на ад». Можно подумать, что одиночный гребец заявляет о том, что он возвращается из пределов смерти.

«Смерть» – позже Рокки напишет это слово жирными буквами на своих куртках и джинсах, когда он сможет дать ей имя, связанное с символикой тяжелого рока. Пока что она является той силой, инстинктом смерти, которая превращает его в запрограммированную машину, как она это делает с одиночным гребцом или с младенцем, укачиваемым при бессоннице.

Ударные инструменты выполняют для Рокки функцию поиска такого укачивания. Безусловно, с меньшими нюансами, нежели те, которые находит для себя одиночный гребец, для кого укачивание может быть тихим, мягким и сексуализированным, как море в ясную погоду, а иногда резким и грубым, как при десятиметровых волнах. Спокойный или бурный, поиск смерти является поиском «долгого сна», как говорит М. Фэн, чтобы обозначить идеал оперативного сна, добытого оперативным укачиванием.

Это свойство присутствует в большом числе самоуспокоительных процедур, и именно поэтому его отнесение к укачиванию кажется мне неизбежным, когда мы говорим об этих процедурах. С одной стороны, самоуспокоительные процедуры, похоже, являются продолжением или заменителем укачивания, а с другой стороны, двойное послание материнского укачивания – эротизация и манифестация влечения к смерти – находится в самом центре этих процедур.

Мысль М. Фэна относительно интериоризации качеств укачивания кажется мне важной, так как она иллюстрирует влияние того, что передано матерью. Тем не менее это полезно также учитывать в более глобальном контексте сенсомоторной активности индивидуума. Модель укачивания позволяет понять, как каждый младенец строит для себя в процессе обмена со своей матерью нечто вроде личного сенсомоторного кода. Этот выбор оставляет свой отпечаток на поведении, потенциально являющемся самоуспокоительной процедурой, которую можно будет использовать в случае необходимости, если ментальная регрессия не сработает.

Крах фантазма быть успокоенным матерью и самоуспокоительная процедура

Успокаивать самого себя – значит играть с самим собой в дочки-матери. Внутренняя мать укачивает внутреннего ребенка и говорит ему, что «во всем этом ничего страшного нет». Но эта фантазматическая деятельность является более или менее действенной. Самоуспокоительная же процедура типа самоукачивания используется тогда, когда обнаруживается крах или недостаточность фантазирования об успокаивающей матери. В то время как в мысли об успокоении обе части двойного материнского укачивающего послания связаны друг с другом, в самоуспокоительном акте они разъединены. *Дефект психической связи, которая могла бы реализоваться через фантазм*, но не реализуется из-за недостаточности фантазийной деятельности, ведет к *попытке установления связи с помощью самоуспокоительных процедур, но на сей раз связывание происходит на поведенческом уровне между эротическим и смертоносным аспектами влечений*. Но, несмотря на это, данная процедура не в состоянии сохранить хотя бы какой-то намек на присутствие влечений, они развязаны, рассоединены на психическом уровне, и, что для нас наиболее важно, из-за развязывания влечений торжествует «чистая культура инстинкта смерти».

Следовательно, речь идет о том, чтобы физически, телесно с помощью перцепции и моторики вновь обнаружить в материальной реальности материнское укачивание, которое не смогло привести к тому, чтобы произошла психическая интроекция позитивного опыта.

Процесс одиночества

Тот, кто использует самоуспокоительные процессы, находится в состоянии регрессии с уровня психики на уровень поведения в отличие от регрессии, вызывающей активность мысли. В этом состоянии часто отсутствует возможность общения и вербализации, как в случаях с Рокки и с одиночным гребцом. Часто бывает сложно установить связь и общаться с теми, кто полностью погружен в самоуспокоительное, навязчиво повторяющееся поведение. Родители детей, которые бьются обо что то головой, достаточно часто говорят об этом.

Свидетельство другого одиночного гребца показывает, что бывают случаи, когда не происходит опустошения мысли и когда восстанавливается реляционная коммуникация. Речь идет о рассказе Ги Лемонье, который едва не потерпел неудачу во время попытки переплыть Атлантику на веслах в 1987 году: «Страх приходит в первую ночь. Ты не спишь, ты лишь прислушиваешься к шумам <...> Во время пятидесяти шести дней пребывания в море я провел тридцать ночей, пытаясь уловить шум грузового судна. Глухой, приглушенный и отдаленный шум.

Я садился за весла и ждал, что шум приблизится. Это изматывало нервы». Лемонье также сообщает: «Ты размышляешь, ты себя анализируешь, ты думаешь о тех людях, которым ты причинил зло, ты открываешь себя таким, какой ты есть. Любая мелочь становится странным образом важной, ты делаешься сверхчувствительным, ты смеешься или плачешь из за пустяка. Ночью я слышал голоса. Мне казалось, что я схожу с ума. Я выходил с электрической лампой. Я заплакал, когда узнал, что смогу связаться с женой по радиосвязи. Затем ты льешь слезы по пустякам, из за заката солнца, например».

Это рассказ растерянного человека. Рассказ, вскрывающий, возможно, некоторые причины его неудачи. Ги Лемонье описывает свою неспособность отключиться, можно сказать – невозможность прийти к чему-то вроде реляционного аутизма, неспособность не чувствовать больше, не думать, во всяком случае не думать об отношениях с другими людьми вкупе с их аффективной нагрузкой. Худшим врагом одиночного гребца, надо признать, является он сам. Его провал будет обусловлен тем, что ему не удастся, несмотря на отдаленность всех людей, ввести себя в психическое состояние, близкое к расщеплению и, может быть, еще более близкое к оператuarной жизни.

Отсюда следует перцептивная сверхбдительность, направленная на опасность, которая объективируется и вызывает тревогу. Эта опасность принимает объектную форму грузового судна в ночи. В этом смысле, безусловно, существует разница между тем, что чувствовал Лемонье, и более смутным состоянием страха отчаяния человека, озадаченного тем, чтобы помочь самому себе перед лицом надвигающейся опасности. Эту разницу хорошо иллюстрирует венгерская поговорка, в которой Ференци усматривает эквивалент фрейдовской теории фобических страхов: «Страх бывает предпочтительнее ужаса»⁴.

Поиск чувства страха входит не во все самоуспокоительные процессы. Он присутствует лишь в тех, которые связаны с травматофилией⁵. То, на что нацелен страх, – это страдание. Эта цена, которую следует заплатить для того, чтобы наконец обрести ускользающее чувство безопасности.

Некоторые люди, как, например, Титуан Ламазу, путешественник-одиночка, приветствуют этот страх, «с которым начинаешь жить, который учишься любить и приручать», и совладание, которое приносит «успокаивающее блаженство».

Приручение страха, которое состоит в том, чтобы соотносить его с реальными опасностями, кроющимися в окружении, можно понять как защиту против ужаса подстерегающего отовсюду травматизма и как попытку придать ему форму, дать ему имя.

Разновидность зависимости

Ламазу также упоминает о компульсивном влечении одиночного гребца к повторению своего опыта и к тому, чтобы вновь отправиться на поиски страха и пережить успокоение оно. Он говорит о поиске страха, как наркоман говорил бы о наркотиках.

Для Фредерика Герэна, одиночного гребца, «гresti быстро стало подобно наркотику <... > ужасающему и незабываемому, так как у тебя нет выбора»⁶.

Травматофилический процесс подобен акту токсикомании: оба способствуют регрессии в поведении и оба успокаивают, не принося удовлетворения. Однако самоуспокоительное поведение нельзя считать адекватным способом реагирования.

⁴ Correspondance Freud – Ferenczi. 1908. 3 Febr. P. 6.

⁵ Сегодня, в 1998 году, я думаю, что все самоуспокоительные процессы являются травматофильными, что будет показано в последующих главах.

⁶ «Libération». 1991.22.11.

Мне кажется, что обнаруженное соотношение между поиском страха и страдания и инстинктом самосохранения является настолько своеобразным, что можно даже говорить почти что о «перверсии» последнего. Не вдаваясь в подробности, в рамках данной работы я отсылаю читателей к понятию неонужды Д. Брауншвейг и М. Фэна, нужды, которая вопреки инстинкту самосохранения обнаруживается как зависимость (Braunschweig, Fain, 1975, p. 264).

Мы часто замечаем у детей, которых консультируем в Парижском институте психосоматики (IPSO), как определенный тип родительского послания ведет к развитию особенного влечения к тому или иному способу возврата к спокойствию. Определяющим является то, каким образом родители способствуют или тормозят развитие того или иного эротизма. Когда развитие эротизма затормаживается, он заменяется требованием ребенка к своей матери, когда ребенок настаивает, чтобы мать действовала определенным образом (активным или пассивным). Это требование следует понимать как декларацию о зависимости от матери в качестве реального внешнего объекта, поскольку внутренняя репрезентация этого объекта оказалась более или менее неудачной.

Пример: малыш двух с половиной лет обследуется по поводу экземы. У него наблюдается моторная гиперактивность, во время консультации он находится в постоянном движении. Он активно сосет пустышку, которую родители дают ему каждый раз, когда он принимается сосать свой большой палец. У них существует предубеждение, что сосание большого пальца может вызвать деформацию неба ребенка, что побудило родителей очень рано запретить ему это. Также бросается в глаза, что ребенок садится на колени к своей матери лишь тогда, когда полностью истощается. Мать мало с ним разговаривает, и основное, что они делают вместе, – это ходьба. Ребенок пытается вновь обрести спокойствие посредством двигательной активности и требует, чтобы все считалось с его потребностью в этой активности, что соответствует, впрочем, предпочтениям, навязанным ему матерью.

Вот наглядный пример того, как неонужда, созданная у ребенка, мешает установлению аутоэротизма.

Другой пример: малыш тринадцати месяцев, страдающий спазмом всхлипывания⁷. Во время консультации он постоянно двигается, проявляя моторную гиперактивность. У него обнаруживается опережающее моторное развитие. Он не успокаивается ни на коленях у матери, ни на коленях отца. Мать, не очень-то нежная, берет его на руки лишь тогда, когда он подает признаки усталости, так как консультация проводится в час его обычного послеобеденного сна. Как они успокаивают его дома? У ребенка имеется тяга или предрасположенность к музыке, и его укладывают спать с ее помощью. Для этого широко используются музыкальные шкатулки и всякого рода музыкальные предметы, приводящиеся в действие при помощи веревочки или заводного механизма. У родителей всегда есть с собой такой предмет. Они пришли на консультацию с радио для детей, и ребенок успокаивается, когда к его уху прикладывается это кричащее радио. В целом консультация подтверждает тот факт, что отношения с матерью не являются успокаивающими и что лишь возбуждение, похоже, может действительно успокоить этого ребенка.

Этот пример показывает то, что, возможно, является преформой будущего токсикоманического использования музыки. Случай с этим ребенком ставит и другую проблему – устройства системы противозвуждения, настолько особенной, что она могла бы привести к травматофилии.

⁷ При плаче может внезапно потерять сознание. Такие приступы часто появляются у детей, когда им говорят «нет». Необходимо дифференцировать с эпилептическими приступами.

Добровольный травматизм

Действия Рокки также направлены на поиск травматизма, когда он производит звуки, которыми наполняет свою голову. Таким образом, с одной стороны, он провоцирует повторение той аварии, с другой – держит ее на расстоянии и удаляет из своих мыслей.

Иногда один процесс может заменять другой, только бы он оставался на поведенческом уровне. Одиноким гребцом Фредерик Герэн хорошо это понимает, когда объясняет, к какому замещающему средству самоуспокоения он прибегнул, когда не смог использовать для этих целей весла. Его несло по течению безо всякой возможности какого-либо действия: «По прошествии четырех дней, в течение которых не было никакой возможности встать на якорь, – пишет он, – чтобы избежать нежелательных психических сдвигов, я каждый день выходил и кричал что было сил, чтобы высвободить ту энергию, которая была во мне».

Эти слова, как видно, подчеркивают важность экономического аспекта протекающих процессов и необходимость найти другой поведенческий путь для выхода напряжения.

Рассказ Алена Бомбара, добровольно в одиночку пересекшего Атлантику и питавшегося сырой рыбой и планктоном, напоминает симптоматику травматического состояния. Он описывает свой опыт как возврат из ада, но ад продолжился для него и после возвращения. Известно, что по окончании плавания он долго страдал не только депрессией, но также и соматической дезорганизацией. Бомбар рассказывал, что в течение пяти лет у него сохранялось физиологическое расстройство желудка и что он навсегда потерял способность к засыпанию. Он также сообщил, что познал период отказа от борьбы за жизнь и смирения со смертью перед тем, как совершил последний и решающий рывок к выживанию. Повсюду в его рассказе царит отчаяние.

По его мнению, именно опыт добровольной имитации крушения и последовавшего за этим одиночного плавания является причиной травматизма, изменившего все в его жизни. То был опыт, который травматический невроз закрепил посредством бесконечного повторения. Но это объяснение Бомбара исключает все, что предшествовало его авантюре, а именно мотивы, благодаря которым он решился подвергнуть себя такому травматизму.

Я не думаю, что травматическое состояние тех, кто превращает себя в машину для изнуряющей гребли, является лишь следствием опыта одиночного плавания. В определенном числе случаев синдром «одинокого галерщика» должен предшествовать этому опыту, смысл которого в том, чтобы найти объект во враждебном окружении, в данном случае – в одиночном экстремальном заплыве, который превратит предшествующие страхи и диффузное безобъектное отчаяние во вполне понятное и объектное.

Отчаяние, описанное Бомбаром, – это состояние архаического страха, к которому стараются приблизиться те, кого манит этот вид подвигов, – спортсмены-марафонцы и экстремалы. Они хотят побороть и изгнать собственное состояние беспомощности (*Hilflosigkeit*), пережитое ими раньше, чтобы доказать, что, дойдя до края, когда, кажется, уже ничем нельзя себе помочь, это все-таки, несмотря ни на что, оказывается возможно. По всей видимости, именно спортсмены-экстремалы идут по пути замены своих некогда безысходных и бессмысленных страданий на вполне понятные архаические расстройства, дабы избавиться от первых.

Процессы самоуспокоения также являются необходимостью, навязанной отчаянием, а не объектным страхом. Оправданием для приведения их в действие всегда служит неинтегрируемое перевозбуждение, скрытый травматический невроз, который, кстати, может касаться лишь определенного сектора психической деятельности.

Существование процессов самоуспокоения является, с одной стороны, следствием недостаточности строения психической системы защиты от отчаяния и, с другой – провала материнской функции смягчения страхов своего ребенка. Они указывают на неспособность

матери помочь своему ребенку переносить ее отсутствие, что ведет к усилению процесса самоуспокоения ради поддержки функции восприятия.

По-моему, процесс самоуспокоения представляет собой некий эрзац известной игры с катушкой, описанной Фрейдом, эрзац потому, что такая игра не состоялась и не смогла сохранить следы присутствия матери.

Связь между смертью и эротизмом

Пример с Рокки позволяет рассмотреть процесс, ведущий к изменению применяемой им самоуспокоительной процедуры, и способ, при помощи которого осуществляется ее замена на ментализацию.

Рокки создает картотеку, которую заполняет фотографиями обложек музыкальных дисков с написанными на них названиями групп. Удовольствие, которое он получает от музыки, носит, скорее, вторичный характер, а настоящее удовольствие он, похоже, получает от созерцания изображений обложек, которые он охотно демонстрирует, и, показывая их мне, хочет, чтобы и я разделил с ним его чувства.

Почти все названия групп тяжелого рока и иллюстрации к их дискам отображают тему смерти. Вот некоторые красноречивые примеры этих названий: «Смерть», «Могила», «Суицидальные тенденции», «Скелет», «Разрушение», «Семья жертв».

В оформлении дисков присутствуют скелеты, головы мертвецов, покрытые касками, и живых мертвецов. Разлагающиеся трупы выходят из могил с угрожающим видом, а иногда они выходят напрямиком из ада.

Рокки демонстрирует большую искусность в перерисовывании этих персонажей. Он приносит мне свои рисунки, однако совсем немного может рассказать о них. Зато он все больше и больше идентифицирует себя с этим музыкальным направлением. Он называет себя «тяжеловесом», то есть любителем тяжелого рока, и ищет встреч с другими тяжеловесами, легко узнаваемыми по знакам на одежде, прежде всего, по названиям музыкальных групп, отпечатанных на джинсах и куртках. Принимая во внимание, что означают эти названия, Рокки становится в некотором роде рекламным носителем смерти.

Позднее его ментальную связь с аварией удастся частично сгладить. Я смогу показать ему, как его воспоминания об аварии соединяются с репрезентациями смерти в фантазмагории тяжелого рока. На данной стадии интерес, проявленный им к самым садистическим фигурам, является знаком того, что инстинкт смерти смешивается и связывается с помощью эротического влечения. Таким образом, открывается выход для выражения эдипальных желаний.

«Калейдоскоп ужасов»

Рокки все больше интересуется фильмами ужасов. Он увлечен фильмом «Калейдоскоп ужасов-2», снятым по сценарию Стивена Кинга. Так получилось, что я тоже видел этот фильм и могу констатировать точность изложения, без фантазий и прикрас, когда он мне его пересказывает. Это история женщины, которая только что рассталась со своим любовником и едет с бешеной скоростью, чтобы вовремя приехать домой и не вызвать подозрения у мужа. Она сбивает мужчину, стоявшего на краю дороги, и, думая все время о последствиях своего опоздания, бросает тело жертвы на месте аварии. Женщина продолжает свой путь, но перед ее машиной появляется окровавленный человек и пытается ее остановить. Тогда она намеренно давит его второй раз. Но изувеченный мужчина появляется снова и снова, она снова и снова давит его, и так далее. В атмосфере преследования, которая все накаляется, он возникает то на капоте, то внутри автомобиля. Женщина проявляет невероятное ожесточение, пытаясь окончательно избавиться от этого человека привидения, постепенно доведенного до состояния отвра-

тительной кровавой массы, но никак не желающего умирать. Однако в конце концов именно он побеждает в этом состязании.

Я говорю Рокки: «Авария на дороге с мертвецом, который не совсем мертв...» Таким образом я устанавливаю связь с той аварией, которая случилась, когда ему было три года. Рокки отвечает мне новым пересказом тех событий, на этот раз с дополнительными подробностями: у его сестры кровь текла изо рта и носа, а его мать, поняв всю тяжесть состояния дочери, очень о ней беспокоилась. Напротив, она совсем не беспокоилась о нем, о Рокки. Реминисценция этих забытых, вытесненных деталей на сей раз относилась к вытесненному воспоминанию.

До этого во время сеансов мальчик не проявлял никакой враждебности к членам своей семьи. Сейчас же речь шла о соперничестве, о столкновении его с братом, о неприкосновенности замещающего ребенка, которым является его маленькая сестра. Кроме того, мы говорили, как сложно ему было смириться с тем, что он стал старшим ребенком в семье после смерти сестры, и тут стали разворачиваться различные фигуры эдипова конфликта.

Сеансы психотерапии позволили выявить еще один факт: задолго до этой аварии в семьях родителей Рокки тоже случались трагические смерти детей, которые не были ими оплаканы. Темы страха перед женским полом и перед угрозой кастрации отделяются от темы смерти в иконографии ужасов. И, как нам подсказывает фильм «Калейдоскоп ужасов-2», автомобильная авария, случившаяся с мальчиком, может рассматриваться как репрезентация первосцены, имевшей трагические последствия.

В период отрочества бывает, что тема насилия отражает, как эхо, юношескую буйность влечений, усиленную инстинктивным страхом реализации инцестуозных фантазмов и желания смерти. Травматическое повторение более не является симптомом. Его заменяет очарование ужаса и страха, болезненный интерес к разрушению, от которого испытываешь удовольствие, как от игры, даже если она садистическая, как от фантазии, которая постоянно будоражит ум.

Положение Рокки улучшается во всех сферах, включая школу и социальное окружение. Он находит себе работу, что позволяет ему купить набор ударных инструментов, о которых он мечтал. Он учится значительно лучше, находится среди первых в своем спецклассе, затем повторяет курс четвертого класса в обычной школе и вновь оказывается среди первых. Родители купили ему мопед, который он водит с удовольствием, и у него начинается длительный флирт с девочкой.

Сеансы психотерапии стали приносить ему удовольствие от непринужденного разговора, который пришел на смену пустых и лишенных аффектов фраз.

«Тональность» ударных инструментов изменилась. Рокки больше не является одиноким автоматом, он начинает репетировать с другими музыкантами. Теперь он старается играть «с оттенками».

В настоящее время ему шестнадцать лет. Навязчивое желание быть выброшенным через дверцу автомобиля более не появляется. Похоже, автокатастрофа больше не управляет подсудно шумовыми эффектами ударных инструментов. Его травматическое видение инкорпорировалось и стало составной частью его личной фантазмагии.

Он носит все атрибуты представителей тяжелого рока, но, несмотря на этот антураж, беспокойство по поводу его дальнейших перспектив все еще остается. Он и в самом деле начинает «барабанить» на конкурсах тяжелого рока, то есть подниматься на сцену, чтобы обрушивать свою музыку на публику. Гордость, с которой он мне рассказывает о своем подвиге, не может, однако, меня полностью успокоить. Идет ли речь о новом этапе инициации, который должен позволить ему пройти отрочество? Мне кажется, что да, но это поведение содержит также следы компульсивного стремления к повторению, что напоминает о предыдущем периоде. Существует еще, как мне кажется, риск тяги к беспричинным насильственным актам, к заигрыванию со смертью. Перспектива обращения к другим успокаивающим процессам типа токсикомании или алкоголизма также остается весьма вероятной. Но аутоэротическая ауто-

агрессивность, столь выраженная у него ранее, уступила место более объектному садомазохизму, проявляющемуся в его акте «прыжка» в публику. Как мазохист, он жертвенно бросается в толпу, но, будучи в то же время и садистом, он становится опасным «снарядом» для тех, кого может раздавить.

Игра со смертью

Этот фрагмент психотерапии Рокки показывает, что благодаря игре на барабанах и работе по связыванию развязыванию репрезентаций в его психическом аппарате произошла реинтеграция пораженного психического сектора, который до этого удерживался расщеплением в стороне, вне досягаемости для психической работы по проработке и построению *репрезентаций*, и функционировал в соответствии с особенностями травматического невроза.

Игра на ударных инструментах оказалась самоуспокаивающим процессом, позволившем установить прямолинейную связь на перцептивно моторном полюсе травматической перцепции. Каждый удар Рокки палочкой по барабану был повторением удара и грохота аварии. Это было повторением травматического события через создание шумовых эффектов, «воспроизводящих» аварию, но не приводящих при этом к ее символической репрезентации. Позже, когда началось развертывание символической деятельности, смерть поменяла свой статус с воздействия инстинкта смерти на психику на игры с идеей смерти. Прошедший путь является траекторией смещения влечений в процессе отрочества.

Бесчисленные удары палочкой как будто повторяют гребки одинокого гребца. И те, и другие реализуют связывание и развязывание, смещение и распутывание. Эта работа осуществляется телом в перцептивном и моторном регистре, как заменитель деятельности связывания и развязывания репрезентаций, отсутствующих в психическом аппарате пациента. Тело управляет смещением и распутыванием именно потому, что игра с влечениями происходит не в психике. Тело превращается в машину, которая мыслит машинально, в оперативную машину с двойной функцией: воспрепятствовать возврату травматической перцепции и укротить ее. В случае с Рокки самоуспокоительный процесс принимает другой вид: травматическое возбуждение находит связи на ментальном уровне, что проявляется через возникновение садистических образов.

Впоследствии ментализация становится все более очевидной. Символическое значение удара палочками усиливается. Вместе с травмирующим возбуждением, возникшим вследствие автомобильной аварии, он будет объединять и другие травмирующие события, связанные уже с психическими репрезентациями. Шум ударных инструментов начинает символизировать другие сцены: ссору родителей после аварии и, возможно, сцену их примирения, материализованного в маленькой, замещающей сестре. Это также шум, который бьет тревогу по поводу угрозы кастрации. Все эти темы получают психическую репрезентацию, что позволяет найти другие возможности для возврата к спокойствию. Такая эволюция показывает, что система противодействия становится способна преобразовать внешнее возбуждение в сексуальное.

Самоуспокоительные приемы, заменяющие аутоэротизм (самоуспокоительные приемы и отрочество)

Какое влияние оказывают на самоуспокоительные приемы пубертат и происходящие в отрочестве изменения?

Чтобы ответить на данный вопрос, следует несколько уточнить взаимоотношения самоуспокоительного приема и аутоэротизма.

Не все виды аутоэротизма являются самоуспокоительными приемами.

3. Фрейд в работе «Три очерка по теории сексуальности» в разделе, посвященном общей теории, приводит сексуальную градацию аутоэротизма, где указывает на разницу между сексуальными влечениями и влечениями самосохранения.

Вводя в работе «По ту сторону принципа удовольствия» понятие «влечение к смерти», он характеризует Эрос как силу связывания, объединения, жизни. Аутоэротизм же является жизненной силой, которая тянется к удовольствию, удовлетворению, к нулевому уровню возбуждения. Таким образом, аутоэротизм имеет двойную природу. Он связан как с удовлетворением, как и с возбуждением.

Аутоэротизмы – это продолжение материнских забот, работа над внутренними и внешними границами, над дифференциацией Я и объекта. Они направлены на установление чувства непрерывности, несмотря на прерывность материнских забот, их периодического присутствия и отсутствия. Таким образом, они представляют собой систему противовозбуждения, позволяющую осуществить контринвестицию.

Лишь компульсивный аутоэротизм бывает успокаивающим, так как он приносит разрядку, но не удовлетворение. Самоуспокаивающие приемы не дают удовлетворения. Они, по мнению Мишеля Фэна, «истощают ментальную жизнь точно так же, как и блокируют постоянные эффекты событий» (Fain, 1992). Обращение к успокаивающим приемам проистекает из необходимости предотвращения нового проявления травматического события. Эти приемы, следовательно, необходимо понимать как временную остановку через повторение.

Самоуспокоительные приемы являются также средством воздействия на отношения с объектом, когда возможности психической ментализации недостаточны.

Подменяя аутоэротизм, они реализуют форму привязанности к внешнему объекту, поскольку репрезентация внутреннего объекта так и не была достигнута. Следовательно, они поддерживают перцепцию внешнего объекта вместо его репрезентации. Вся игра относительно внутренней и внешней границы, дифференциации Я и объекта заменяется игрой на удалении от внешнего объекта, непредсказуемо приближенного и отдаленного. Самоуспокоительные приемы являются необходимым субститутом и указывают на сильную зависимость от внешнего объекта.

Пубертат обостряет игру, связанную с приближением к объекту. Поскольку возможность осуществления инцестуозных желаний становится реальной, необходимо срочно найти средства управления отношениями на определенной дистанции. Если ребенок взрослеет, так и не научившись смещению, связыванию эротического либидо с влечением к смерти, если он зависим от реального объекта, то, достигнув подросткового возраста, он оказывается в еще более сложной ситуации.

Здесь возникает риск усиления самоуспокоительных приемов, используемых как заменители эрогенного мазохизма.

Подростки начинают поиск защитных опорных объектов из окружения, с которыми можно было бы идентифицироваться и которые помогли бы дистанцироваться в отношениях с объектами, расположенными слишком близко или перегруженными различного рода аффектами.

У Рокки такие опоры были найдены, с одной стороны, в трансферентных отношениях в психотерапии, с другой – в группе хард-рокеров. Группа подростков, исповедующая садомазохистическое поведение, оказывается той социальной подпоркой, которая обеспечивает необходимый этап перехода к более приемлемым способностям, к внутренним репрезентациям и связям. Такая социальная подпорка позволяет установить социальное, внешнее Сверх-Я, поскольку внутреннее Сверх-Я, наследник эдипова комплекса, отсутствует.

Когда не удастся интериоризировать объект, который остается слишком реальным, и различные средства его удержания на расстоянии терпят крах, для этих целей может быть использовано поведение самосаботирования. Речь идет о таком поведении, как анорексия, булимия

или токсикомания. Филипп Жаммэ подчеркивает опасность, которая состоит в том, что это поведение может быть притягательным само по себе и способно воспроизводить то же самое отношение зависимости, которое было у ребенка раньше в отношениях со своими родителями, но которого он избегал. «В противоположность объектным отношениям, – говорит Жаммэ, – оно не обеспечивает никакой нарциссической подпитки, и <...> польза от чувства самообладания, которое оно придает, имеет выход лишь в постоянном подкреплении такого поведения, в то время как внутренняя пустота и необходимость в объектах лишь увеличивается» (Jammet, 1990, p. 70).

Другими словами, это поведение направлено на то, чтобы дистанцировать объект, уничтожить связи с ним, стать действием, лишенным либидо, все более и более механическим, не поддержанным какой-либо фантазматической активностью.

Мастурбация в некоторых случаях также соответствует поведению такого типа. Все зависит от фантазматической деятельности, сознательной или бессознательной, которая ей сопутствует. Когда речь идет об оператуарном поведении, заменяющем аутоэротизм, то мы вновь оказываемся в регистре самоуспокаивающих приемов. Этот регистр отвечает за применение внешней реальности и перцепции для того, чтобы временно исправить недостатки ментализированной репрезентации.

Невозможность найти удовлетворение в эротическом удовольствии из-за недоразвития аутоэротизма, как правило, сочетается с поиском острых ощущений для того, чтобы получить доказательства собственного существования. Эти поиски означают невозможность использования галлюцинаторного удовлетворения желания и ведут к попыткам извлечь пользу из телесных ощущений с помощью запрограммированной механической деятельности. Именно эти ощущения должны заменить отсутствующие ментальные репрезентации и аффекты. Мышечные и перцептивные ощущения самоуспокоительных приемов отличаются от тех, которые возникают при анорексии, булимии или токсикомании, но общим для них является то, что они выполняют функцию замены репрезентаций и аффектов.

Безобъектный аутосадизм

Поиск успокаивающего возбуждения может привести к поиску физической боли. Поиск болезненного мышечного напряжения, не приносящий явных садомазохистических удовольствий, может быть частью целей, намеченных марафонцем, ударником или одиночным гребцом, которые используют в своей деятельности повторяющиеся движения.

Мне кажется, что это своего рода аутосадизм, но понимаемый в том смысле, в котором это понятие рассматривал Жан Жиллибер (Gillibert, 1997), то есть как форма аутоэротизма, направленного на воссоздание единства на уровне самого тела. Собственно, он не сводится к простой разновидности садизма, направленного на объект, что не позволило бы ему избежать участи влечения, а близок фрейдовской гипотезе «безобъектного» садизма, который соответствует «усилиям ребенка, желающего стать хозяином своих собственных членов». Жиллибер называет это тенденцией к «сочленению» (в противоположность «расчленению») ребенка, который объединяет свои собственные члены.

В контексте высказанных выше соображений самоуспокоительные приемы могут быть поняты в двух своих аспектах. Первый – как что-то вроде повторяющейся игры, касающейся структуризации внешнего и внутреннего пространства через ощущения, передаваемые мышечным тонусом. Второй – как объединение, соответствующее «сочленению», по Жиллиберу. Оно возвращает гребцу, ударнику, галерщикам любого рода единство расчлененных кусков предшествующего времени.

Я полностью разделяю представление Жиллибера о саморазрушительном аутоэротическом ритуале, который позволяет «возобновить собирание кусков после исключения „боль-

ного“ (или просто „задетого“, „пораженного“) члена» (Gillibert, 1977, p. 893). Иллюстрацией этого ритуала может служить пример ребенка, бьющегося головой об стенку в момент засыпания. Если же говорить более обобщенно, то мне кажется, что садистическое членение является составной частью приемов поиска спокойствия в возбуждении.

Если самоуспокоительные приемы являются одновременно возбуждением и расслаблением, объединением и разделением, связыванием и развязыванием, смешением и разъединением, они способны также совладать и с расчленением пениса, «члена членов», как говорит Жиллибер, и с его сочленением, воссоединением. Они являются одновременно и слиянием родителей в коитусе, и их разъединением из-за рождения ребенка. И в этом смысле гипотеза Жиллибера об аутосадизме, связанном с восприятием садистической первосцены, кажется мне разумной. В случае Рокки его игра, повторяющая автомобильную аварию, означала сразу несколько вещей: попытку связывания и переработки травмирующей аварии, случившейся в трехлетнем возрасте, восприятие разницы полов, коитуса и всего того, что обычно представляется в первоначальных фантазмах, всего того, что в его случае оказалось зафиксированным в повторяющемся столкновении машин. Бремя аварийного травматизма препятствовало формированию первофантазмов. Движения, которые использовались им в его самоуспокоительных приемах – столкновение маленьких машинок, а позже и игра на ударных инструментах – реализуют начало связывания и в то же время – отрицание, отключение травматизма. Недостаточная психическая связь между сексуальностью и жестокостью порождает аутосадистическое стремление к восприятию садистической сцены. Именно самоуспокоительное аутосадистическое действие запускает телесный механизм связывания влечения к смерти с эротическим влечением. Это действие активирует возврат к первичному единству «мать – ребенок» и одновременно разъединение матери и ребенка, а также объединяет и разъединяет комбинированных родителей. Действие, то есть второй, поведенческий путь, господствует там, где психические защиты первого, психического пути не сработали, так как оказались слабыми. *Самоуспокоительный прием заменяет невозможный фантазм наслаждения оргазмом его эрзацем – поиском успокоения.*

«Самостоятельное успокоение» не эквивалентно «самостоятельному наслаждению». Возврат к спокойствию – это всего лишь разрядка, отличающаяся от наслаждения, состоящего из разрядки и удовольствия. *Самоуспокоительный прием борется с возбуждением посредством периодического возврата к состоянию невозбудимости, которое, однако, длится недолго.*

Самоуспокоительный прием путает возбуждение, возникающее внутри, с тем, которое идет из внешнего окружения. Он помещает в окружающую среду то, что должно было бы быть вытесненным: автомобильную аварию в случае Рокки или другие травматические события в случаях одиноких гребцов. Таким образом, ставшее враждебным окружение превращается в место концентрации нерепрезентированных травматических образов, где господствуют диффузный страх, тоска и ужас. В результате чувствительность вкупе с телом занимают место системы противовозбуждения.

То, что, по-моему, наиболее характеризует способ трактовки окружения в приведенных примерах, – это *чрезмерность*. Рокки наполняет свое окружение чрезмерным шумом. Одинокие гребцы ищут чрезмерность в океане. Этот поиск чего-то гигантского, колоссального говорит о желании погрузиться в искаженные пространственно-временные отношения и выйти за пределы обыденной реальности. Затронуты все понятия времени и пространства, в том числе понятие расстояния от внешнего или внутреннего объекта, и все происходит так, как если бы окружение должно было бы подчиниться тому представлению, которое имеет о нем Я-Идеал, согласно Пьеру Марти. Напомним, что, по его мнению, «Я-Идеал представляет собой чрезмерность» и что «извне это чувствуется как ощущение всемогущества субъекта по отношению к себе самому, а также, вероятно, и по отношению к внешнему миру» (Marty, 1990). Такое

отношение к миру не является продуктом ментализированной психической активности. Оно не является ни результатом вытеснения, ни продуктом интериоризации, ни манифестацией Сверх-Я. Я-Идеал, по мнению П. Марти, «означает состояние, при котором отношение субъекта к самому себе лишено каких-либо нюансов, когда нет иных возможностей адаптации к внешним обстоятельствам, чем те, что характерны для „опературной“ реальности» (Marty, 1990, p. 47).

При таких условиях самоуспокоительный прием использует моторику и перцепцию, поскольку ментальная деятельность в виде регрессии, имеющей адаптивное направление, развита недостаточно. Нет никаких следов саморазрушения или самонаказания. Аутосадистический аспект самоуспокоительного приема скорее соответствует фазе, предшествующей садомазохизму, – вывод, доказательство которого Марти находит во второй фазе анальной стадии, по Абрахаму. Это аутоэротическая фаза, «предшествующая двойному возвращению, дающему выход садомазохизму», как определяет ее П. Марти в работе «Индивидуальные движения жизни и смерти» (Marty, 1976, p. 92), фаза, «во время которой субъект наслаждается „влечением захвата“, влечением, в котором он упражняется на себе самом». Как справедливо считал Жиллибер, эта фаза соответствует аутосадистическому аутоэротизму.

При обсуждении понятия аутосадизма Д. Брауншвейг и М. Фэн соглашались, что мнение Ж. Жиллибера согласуется с тенденцией создать единое целое, выявленное Фрейдом в отношении сновидения. Следовательно, эта тенденция к воссоединению «сыграет свою роль в организации передачи нервного импульса, соединяющего постпубертатные следы с мнестическими следами инфантильной сексуальности, вовлекая в это движение и ресексуализированные элементы периода латентности» (Marty, 1997, p. 994). Этот пункт кажется мне существенным, и случай Рокки дает нам такой клинический пример. Его отрочество отмечено тенденцией к соединению в одно целое, к психической интеграции всех допубертатных травматизмов и постпубертатной проблематики.

Однако и Д. Брауншвейг, и М. Фэн расходятся здесь во мнении с Ж. Жиллибером, который считал, что аутосадизм играет роль только в формировании комплекса кастрации. По их мнению, он задействован и при расщеплении Я, которое является механизмом отрицания кастрации. Д. Брауншвейг и М. Фэн пишут: «Расщепление Я приводит к связыванию и даже к сочленению, воссоединению того общего, что можно найти в двух противоречивых тенденциях. Расщепление Я воссоединяет, сочленяет то, что было расчленено».

Эта точка зрения проливает свет на позицию, согласно которой аутосадизм – *субститут эдипова аутоэротизма*, хотя Жиллибер недостаточно их разграничивал. Итак, я думаю, что самоуспокоительный прием можно считать приемом «воссоединения расчлененного». Он не появляется, когда послание об угрозе кастрации передается в хороших условиях, хорошей матерью, способной выразить свое беспокойство. Прием возникает лишь тогда, когда материнское послание отрицается матерью, когда это послание вызывает сексуальное возбуждение.

Д. Брауншвейг и М. Фэн считали, что именно отсутствие беспокойства матери при ее восприятии аутоэротической деятельности своего ребенка мешает передаче материнского послания в виде угрозы кастрации. Эту точку зрения можно было бы распространить и на самоуспокоительный прием, чьим источником также являлось бы отсутствие беспокойства. Там, где беспокойство матери отсутствует, самоуспокоительный прием служит обузданию возбуждения и характеризуется навязчивым повторением и запрограммированностью. Он нацелен на изгнание возбуждения путем использования особого моторного поведения. Самоуспокоительный прием является чем-то вроде фетишистского ответа на отсутствие материнского беспокойства, что фиксирует термин «сочленение расчлененного».

Некоторые индивиды, не успев установить связь между первой эдиповой фазой и второй постпубертатной фазой, несмотря ни на что и вопреки всему пытаются все-таки посредством своих самоуспокоительных приемов восстановить чувство непрерывности, используя

для этого тело и моторику, прибегая тем самым ко второму пути разрядки возбуждения – поведенческому. Это, по-моему, и есть случай одиночных гребцов. Другим все же удастся сформировать первофантазмы, которые позволяют интегрировать натиск влечений в сексуальность. Именно это иллюстрирует случай Рокки, который переходит от аутосаадизма к садизму, что является признаком смешения, сплетения влечений; именно переплетение, соединение влечений и составляет основу ментализированного психического развития.

Глава II. Сокрушенные взрослые – гибнущие младенцы (Размышления о самоуспокоительном использовании опасности и страха)

8

Поиск облегчения иногда принимает любопытные формы. Некоторые взрослые и дети используют действия, направленные на возврат к спокойствию через повторяющийся поиск возбуждения, как способ защиты Я, описанный в предыдущей главе. Они ожидают «расслабления» от моторных или перцептивных действий, что является главной клинической характеристикой того, что мы с Клодом Смаджа называем самоуспокоительными приемами⁹, хотя мы с ним и изучаем разные аспекты этого понятия в контексте предложенного Мишелем Фэном (Fain, 1992) различия между тем, что успокаивает, и тем, что доставляет удовольствие. К. Смаджа (Smadja, 1991, 1993) показал их значение в психопатологии повседневной жизни взрослого. Что же касается меня, то я больше интересовался теми пациентами, которые используют самоуспокоительные приемы, включающие в себя физическую боль и даже граничащие с травматофилией, а также теми, кто ожидает успокоения от истощения той автоматизированной машины, в которую превратилось их тело из-за вынужденного механического повторения. Эти клинические особенности, как мне казалось, были близки к состояниям одиночных гребцов, и тогда я постарался ответить на вопрос: «Что подталкивает человека к тому, чтобы превратиться в добровольного галерщика?» Сейчас я хочу вернуться к одному весьма необычному аспекту этого удивительного машиноподобного поведения, а именно к стремлению пережить состояние беспомощности; его можно считать компульсией, которая отчетливо просматривается в поведении разного рода «добровольных галерщиков».

Что побуждает человека добровольно искать «экстремальные» ситуации, ситуации гибели, отчаяния, страдания, где он сталкивается с чувством ужаса?¹⁰

Компульсия пережить кошмар

Журнал «Explora – terre» (1993, № 2) опубликовал статью, посвященную двум французским участникам «Кэмел Трофи» 1993 года, организованного «в жидком аду Саба, малайзийского штата, расположенного в северной точке Борнео. Этот кошмар является мечтой, за которую они цепляются вот уже пять месяцев. Пять месяцев отборов, пять месяцев мучений...» В статье сообщается, что только во Франции 20 000 кандидатов желают пережить такой кошмар, чтобы «ошалеть от мучений» прежде, чем будут отобраны, и чтобы еще больше «ошалеть от мучений» затем в испытании, которое будет еще хуже предыдущего ада.

Большинство из этих кандидатов на мучения можно отнести к категории забияк, задир, авантюристов, культивирующих и демонстрирующих все признаки мужественности. Как и для «задавал», описанных Мишелем Фэном (Fain, 1990), было обнаружено, что им необходимо все время любой ценой поддерживать форму и видимость, равняясь на идеал группы, идеал, не допускающий проявлений слабости, когда «выставление напоказ „промаха“ тут же тракту-

⁸ Впервые опубликовано в: *Revue française de psychanalyse*. 1994. № 3.

⁹ Smadja C., Szvec G. *Argument // Revue française de psychosomatique*. 1993. № 4.

¹⁰ Этот вопрос можно расширить, включая сюда многочисленные мотивации, толкающие самых разных людей к авантюрам и к рискованным занятиям. Я ограничусь здесь теми, которые в повторяющихся ситуациях опасности ведут себя, как моторные и ментальные машины, не останавливаясь при этом на описании всех граней авантюрной личности. Итак, я возвращаюсь к «добровольным галерщикам», особенно к тем, кто использует самый странный из самоуспокоительных приемов – ужас.

ется как выставление напоказ кастрации». Отсюда проистекает стремление демонстрировать вовне такие достижения, которые не могут быть достигнуты в принципе ввиду постоянной установки на новый результат, хоть не на много, но обязательно превышающий прежний. Здесь мы находим один из мотивов того, что «спортсмены-экстремалы» называют «превзойти свои возможности» – постоянное стремление добиваться все новых и новых достижений.

Источником такого поведения является утраченная способность психически с помощью вытеснения справляться со страхом, вызванным угрозой кастрации. Угроза кастрации усиливается еще за счет постоянного присутствия в их сознании фантазма о желании иметь ребенка от своего отца, что ведет к необходимости постоянно и всеми средствами подтверждать, что ты не являешься предметом презрения, что ты настоящий мужчина и что все это происходит с использованием поведения, вызванного «их страхом превратиться в женщину» (Fain, 1990).

В тех случаях, о которых я расскажу подробнее, достижения отнюдь не исключают беззащитности. Речь идет о том, чтобы подойти к беззащитности как можно ближе, познать худшие ее проявления, чтобы оказаться в такой ситуации, когда сама жизнь находится под угрозой. И тогда достижение будет состоять в том, чтобы «тем не менее» найти в себе силы и сделать такое действие, совершить такой поступок, которые все же позволят выжить. Поведение, таким образом, отражает состояние, в котором господствует страх, находящийся по эту сторону угрозы кастрации, угрозы, репрезентация которой в психике отсутствует, а поведение удерживает этот страх кастрации в стороне, в расщеплении.

Настоящей целью спортсменов высокого класса является желание «ошалеть от беспомощности», но она часто скрыта от них самих уловкой в виде интереса к соревнованию или достижению блестящего результата. Все это занимает лишь мизерную долю того времени, которое посвящено интенсивной тренировке, побуждаемой стремлением к повторению. Я на минуту оставляю в стороне вопрос мазохизма и мазохистических проявлений для того, чтобы напомнить о другом аспекте, а именно о диспропорции между подготовкой и осуществлением. Она сразу же заставляет вспомнить об индивидуальности, чье предварительное сексуальное удовольствие, которое он находит в возбуждении, будет сверхинвестировано в плане удовлетворения в сексуальное наслаждение¹¹. Это нечто вроде нескончаемой эрекции, исключающей наслаждение, которая подпитывает попытку разрядки напряжения через само напряжение.

Не разрядки ожидают «добровольные галерщики» от повторного приведения тела и чувств в напряжение, а возврата к спокойствию (даже через истощение). Искомое успокоение напоминает, скорее, то, что ищут дети, не достигшие половой зрелости, чье сексуальное напряжение не может быть удовлетворено в оргазме. Такое успокоение больше напоминает то, чего ждут некоторые младенцы, которые для того, чтобы заснуть, яростно бьются головой о стены и предметы. Эти случаи наводят на мысль о том, что мы имеем дело с последствиями недостаточности материнского ухода и укачивания.

Преждевременно развитое самовспомогательное поведение

Эта форма успокоения напоминает поведение младенцев в возрасте до года, которых приводят на консультацию из-за нарушений сна или из-за экземы и которые никогда не искали успокоения в подоле у матери. Такие младенцы отказываются идти на руки к своей матери, а, оказавшись там, извиваются до тех пор, пока она их не возвращает на прежнее место. В кабинете они все время находятся в движении, а иногда их моторная гиперактивность сопровождается еще и стремлением произвести как можно больше шума. Довольно часто их аутоэротическая деятельность недостаточно развита, и можно констатировать существование такого предпочтительного самоуспокаивающего приема, как ритмическая компульсивная дея-

¹¹ Это то, что Фрейд в «Трех очерках по теории сексуальности» называет «нормальной сексуальной целью».

тельность, или самоуспокаивающее использование некоторых повторяющихся действий. Эти неласковые младенцы не только не ищут успокоения у матери, но даже, похоже, избегают любого контакта с ней.

По мнению Джулиет Хопкинз (Hopkins, 1992), «с девятимесячного возраста избегающие свою мать дети не реагируют положительно на желание матери контактировать с ними; они не ласковые, не липнут к ней, а дают нести себя как мешок с картошкой». Позже неприятие ребенком матери проявляется в более активном отвергающем мать поведении с приступами гнева. Когда начинается психотерапия матери и ребенка, нередко обнаруживается, что такие матери боятся прикоснуться к своему ребенку. Иногда причиной этого является боязнь навредить ему, как это было в одной семье, которую я наблюдал, где у матери была экзема рук. Страх может быть связан также с опасением, что младенца можно заразить, как в другом случае материнской экземы, приведенном Джулиет Хопкинз¹².

В странном поведении младенца, отвергающего свою мать, моторная активность используется им для того, чтобы справиться с возбуждением, которое он чувствует при контакте с матерью и которое та не способна унять. Эти случаи привлекают наше внимание к материнскому посланию, которое может содержать бессознательную агрессию. В других случаях мы сталкиваемся не с нарушенными объектными отношениями «мать – ребенок», в которых мать не в состоянии успокоить своего ребенка, а с обстоятельствами, не зависящими от самой матери, такими как ее госпитализация или длительная физическая боль, которую она не может успокоить.

Я выдвигаю гипотезу, что моторное поведение такого младенца можно назвать «преждевременно развитым самовспомогательным поведением»¹³, поскольку оно нацелено на то, чтобы ребенок обрел независимость от матери, когда он еще не достиг определенной степени зрелости. Это связано с отсутствием у ребенка способности эффективно использовать галлюцинаторное удовлетворение, с недостаточным развитием у него аутоэротических действий и в целом возможностей символизации. Младенец, преждевременно отвергающий свою мать, ищет возможность успокоить свое возбуждение при помощи другого возбуждения, на сей раз моторного. Ввиду того, что оно носит повторяющийся характер и исключает мать, это не аутоэротическое действие – это самоуспокаивающий прием. Он может сопровождаться, а иногда и заменяться самоукачиванием, самоубаюкиванием, которое способно принимать такую неистовую и саморазрушительную форму, как в случае битья головой о предметы.

Именно интериоризация смертоносной инвестиции, переданной матерью при ношении своего ребенка, определяет появление самовспомогательного поведения, которое развивается преждевременно и которое является преформой самоуспокоительных приемов через поиск возбуждения¹⁴. В данном пункте я присоединяюсь к двум гипотезам Мишеля Фэна. Сначала к гипотезе «преждевременного императива», которая, как мне кажется, клинически подтверждается теми случаями младенцев, которые я здесь описываю. Затем к той гипотезе, согласно которой раннее саморазрушительное поведение детей, бьющихся головой о стенку для того, чтобы заснуть, – это форма «интернализации» укачивания и его успокаивающего возбуждения, эквивалентная «чистой культуре инстинкта смерти» (Fain, 1992). По мнению Фэна, ее корни

¹² Леон Крайслер (Kreislser, 1981) также опубликовал наблюдение за одним ребенком двадцати двух месяцев, который вел себя как настоящий «вихрь» и чья мать также страдала от экземы рук. Он описывает у этого ребенка «невроз пустого поведения», который может оказаться преформой «невроза пустого поведения», описанного Пьером Марти у взрослого. Я предлагаю здесь несколько другое объяснение, поскольку, как я считаю, часто у возбуждения этих неустойчивых и неласковых детей можно обнаружить некий «вектор». Они избегают подола именно своей матери, но могут охотно забраться на колени к отцу или даже консультанту, которого они впервые видят (см. также главу VIII).

¹³ «Самовспомогательное» по отношению к состоянию беспомощности, с которым оно борется.

¹⁴ Я также предполагаю, что у ребенка это преждевременное и чрезмерное использование поведения эквивалентно тому функционированию взрослого, которое Пьер Марти назвал неврозом поведения.

находятся в опературном качестве укачивания трудно засыпающего младенца, которого мать таким образом желает поскорее усыпить.

Речь идет о случаях, когда материнское послание содержит больше проявлений инстинкта смерти, чем эротического влечения и влечения самосохранения. В этом случае у ребенка появляется меньше возможностей для бисексуальной идентификации, возможностей, которые определяют существование движений регресса, дающих место мыслительной активности в противовес регрессу, остающемуся строго поведенческим и выражающемуся на уровне перцепции и моторики, как при самоуспокоительных приемах. Это преформа будущей триангуляции, «разделяющей» психику матери от психики ее ребенка и от других инвестиций, что является решающим моментом для возникновения последующих регрессий.

Следует отметить, что данная проблема имеет межкультурный характер. Все техники успокоения и убаюкивания: ношение детей на спине в Африке, укачивание подвешенной люльки на расстоянии при помощи веревки в Алжире, покачивание гамака в Бразилии – позволяют матери заниматься еще чем-то одновременно с укачиванием (либо дают возможность замещающему ее объекту делать это, когда она занята).

Какие бы занятия матери не прерывали ее близость со своим ребенком, будь то работа по хозяйству или полевые работы, или ее желание встретиться с мужчиной, главными вопросами всегда являются дозированность этих расставаний, стремление матери отделаться от ребенка, а также манера подобных расставаний, которая может быть более или менее опературной.

Не без удивления приходится констатировать, что популярность исследований укачивания в Соединенных Штатах привела к появлению почти опературных методов. В одном из опытов двухмесячные младенцы помещались в люльки с моторным приводом, позволяющим задавать различные амплитуды и частоты укачивания. Другие работы были посвящены оценке влияния направления и типа движения на эффективность укачивания. Читая подробные описания различных исследовательских процедур, можно увидеть, что они нацелены на открытие секрета идеального успокоительного укачивания, которое перемещало бы младенца в пространстве с наилучшими параметрами – в хорошем ритме, в правильном направлении и с оптимальной эффективностью. Все это делается в отрыве от тех вариаций, которые могла бы привнести мать, отвергая при этом любой контакт и, следовательно, любое влияние с ее стороны и сводя укачивание лишь к вопросу качества вестибулярной стимуляции. О чем умалчивают экспериментальные данные, так это о том, что же интериоризируется младенцем, которого укачивают таким научным способом при помощи мотора вместо матери.

Эта параллель с «успокаивающей машиной» присутствует в большом числе самоуспокоительных приемов, которые представляют собой самоукачивание в действии; они включают в себя то, что было интериоризировано из двойного материнского послания при укачивании – эротического послания и манифестации влечения к смерти. Обе части двойного послания материнского укачивания связываются во время регресса, что дает пространство для хорошо ментализированной работы мысли, которая способна успокоить. Это успокоение, о котором в предыдущей главе я говорил, что его можно найти, играя в дочки-матери с самим собой, предполагает интериоризацию «достаточно хорошо носящей», «достаточно хорошо укачивающей» и успокаивающей матери. Но когда дела обстоят иным образом, эта фантазматическая деятельность, поддерживающая игру «в дочки-матери», дает сбой, и тогда устанавливается репрезентативный вакуум. Тогда применяется запрограммированное повторение, превращение себя самого в автоматическую машину для самоукачивания. Однако эта игра является гораздо более смертоносной: механический ребенок укачивается механической матерью, и именно механика предназначена успокаивать. Такая механическая машина оснащена самоуспокоительным приводом, пытающимся вновь обрести материнское укачивание, убаюкивание, телесное и материальное, использующее перцепцию и моторику, материнское укачивание, которое не смогло

обеспечить психическую интроекцию материнского убаюкивания достаточно хорошего качества.

Таким образом, данный прием использует влечение к смерти, недостаточно смешанное с влечением к жизни (обычно влечение к жизни и влечение к смерти находятся в смешанном и связанном состоянии), выбирая для этого путь поведения для того, чтобы проделать ту работу по связыванию, которую фантазматическая деятельность не смогла выполнить из-за недостаточности, дефицитарности психического пути. Но эта попытка может привести лишь к тупику, и бесконечное повторение самоуспокоительного поведения несет в себе, как я уже ранее указывал, отпечаток влечений, развязанных, рассоединенных на психическом уровне.

Такой регресс с психического уровня на поведенческий, как мне кажется, часто характеризует функционирование тех, кто находится в поиске экстремальных ситуаций. Повторяющаяся моторная деятельность иногда выглядит, на мой взгляд, как карикатурно преувеличенное самоукачивание, как при прыжках с резинкой со скал или при прохождении пересеченной местности на внедорожниках, или при раскачивании одиночного гребца в легкой лодке на бушующих волнах посреди океана. Во всех этих случаях трудность задачи состоит в том, чтобы выжить после такого мощного укачивания, которое способно усыпить до смерти...

Неуравновешенные младенцы, отказывающиеся от ласки своих матерей, предпочитают скорее переживать кошмар одиночества, нежели травму из-за страха, от которого они не находят успокоения возле матери, являющейся к тому же его источником. Они предпочитают выходить из ситуации сами, а не рисковать взбираться на руки к матери, оказавшейся недостаточно надежной. Они предпочитают быть теми, кто «бросает» свою мать или нападает на нее, а не рисковать прожить свою жизнь пассивно, в роли жертвы материнских проявлений инстинкта смерти. В своем возрасте они являются уже маленькими задирами или, может быть, будущими «выжившими».

Человек, который плавал под водой

Господин X, безусловно, был таким ребенком. Уже будучи взрослым и лежа на кушетке, он спрашивает себя о том, каковы же были причины, из-за которых уже с самого раннего возраста он отказывался от всего, что предлагала ему его мать. Возможно, потому, что этого было слишком мало, говорит он себе сейчас, или, может быть, потому, что этого было слишком много... Он старается вызвать ассоциации, и тогда образуются связи: поведение переоценивается в контексте эдипова конфликта (желание обладать ею целиком, слишком сильное желание) и в контексте защиты от страха кастрации.

Наряду с этим у господина X всплывают еще и другие травмирующие воспоминания сразу о двух разных событиях, произошедших очень быстро одно за другим, когда ему было около четырех лет: сначала об общем наркозе с применением маски, а затем о том, как его толкнули в воду, когда он не умел плавать. Впоследствии у него развился страх анестезии, запаха эфира, падений в пустоту, падений, которые постоянно снились ему в кошмарах. У него также сформировалось поведение, которое можно рассматривать как контринвестицию: он ныряет с большой высоты в воду, а затем плывет под водой, до последнего задерживая дыхание, доводя себя до изнеможения. Такое свое поведение он называет «расслаблением». Он хочет получить в результате этой деятельности господство над тем, что могло его так сильно напугать в то далекое время. Однако ни фобии, ни проводимые им контринвестиции не дали ему достаточно средств для того, чтобы хоть немного связать пережитое травмирующее возбуждение. Поэтому вот уже тридцать лет как он прыгает в пустоту и плывет, задержав дыхание, каждый день, и, по возможности, в одиночку. Таким образом он повторяет погружение в бессознательное с маской под общим наркозом и сцену, когда его толкнули в воду. Но, как говорит он сам, для него особенно важно успокоиться, то есть истощиться, и повторить свой травматический опыт,

чтобы попробовать совладать с ним раз, еще раз и еще раз, и так каждый день. Кстати, он достиг высокого уровня владения своим телом в воздухе и в воде, но, по-видимому, ему все равно этого недостаточно.

Марафонец

Другой мой пациент, господин З, является невольным марафонцем. Ему под пятьдесят, он много пьет и курит, и у него нет абсолютно никакой спортивной подготовки. Он несколько полноват, скорее всего, по причине злоупотребления алкоголем. При таких отнюдь не атлетических данных он иногда вдруг решается взять да и пробежать в одиночку марафонскую дистанцию в 42 километра. Удивительно, что он и свою повседневную жизнь также проживает как марафонский бег. У него есть торговый бизнес, где он работает по тринадцать часов в день или более. Там он постоянно занят и гиперактивен, не дает себе никакой передышки или простоя. Иногда он доходит до значительного физического истощения, но продолжает работать, и каждый новый день у него вновь начинается таким же образом. Он мне говорит, что «изматывается», и кажется, что его мысли полностью заняты конкретными задачами. Он ведет себя так, будто запрограммирован делать все время одни и те же жесты и движения, стереотипно выстраивать отношения с клиентами. В его жизни преобладает рутина, включающая, в частности, и жесткие потасовки с некоторыми посетителями, среди которых бывают и проходимцы, вытаскивающие ножи. Господин З дерется, когда это необходимо, как сознательный служащий, выполняющий свою тяжелую работу. Он не прибегает ни к повышению цен, ни к браваре, как это обычно делают «хвастуны», и не извлекает никакой пользы и славы из этих потасовок.

Во время сеансов он чувствует, что ему трудно находить ассоциации и что эта деятельность плохо сочетается с его моторным роботизированным способом функционирования и оператарным мышлением, которые доминировали у него перед этим. Он описывает свое состояние как что-то вроде раздвоения между его работой, которая не оставляет ему «времени думать», и сеансами, где ему предписано думать.

Мысли, которые посещают его во время сеансов, часто бывают отголоском того, что уже было реально пережито им на работе, от чего, по его словам, он никак не может «отделаться», как это не удавалось и Шарло, герою романа «Современное время», который и после работы на заводе, где он весь день завинчивал болты, не может остановиться и продолжает и дома совершать характерные движения завинчивания. Сны господина З также содержат сцены, в которых повторяются реально пережитые эпизоды его жизни.

Однажды он вернулся после одной из потасовок очень спокойным и сказал мне: «Именно тогда, когда я ощущаю адреналиновую разрядку, моя голова становится на место». И действительно, после таких разрядок господин З выглядит на сеансах совсем по-другому. У него получается «оторваться» от своей работы, он способен ассоциировать. У него появляется, наконец, прошлое, воспоминания, на которые он ссылается, будущее, о котором он может помечтать. В этом состоянии он становится чувствующим и мыслящим человеком, который старается передать мне свои репрезентации и свои проработки.

Однако такое психическое оживление длится недолго, и господин З довольно быстро снова погружается в привычное состояние хронического психического застывания. Он лишь ненадолго выходит из него по случаю новой потасовки. Эти моменты «адреналиновых разрядок» более плодотворны с точки зрения ассоциативного материала и вызывают у него воспоминания, в частности, о серии очень серьезных несчастных случаев на автостраде, в которых он пострадал и неоднократно находился в шаге от смерти.

Господин З прошел через серию аварий – мне потребовалось некоторое время для того, чтобы это понять, – и каждый раз ему удавалось выжить. Он плохо отличает одну аварию от другой; он их подсчитывает, классифицирует, в попытке их хоть как-то различить, устано-

вить хронологию, создать себе историю. Он несколько раз побывал в длительной и глубокой коме, находясь между жизнью и смертью. Возможно, что нить, которую он старается восстановить, устанавливая хронологический список аварий, направлена на реинтеграцию разрывов, пустых мест, которые эти периоды потери сознания, эти пробелы мышления, подобно скобкам, *создали в его ощущении своего бытия. Для него речь идет о том, чтобы снова попытаться присвоить себе эпизоды своей жизни, не закрепившиеся в его сознании.*

Господин З старается связать эти несчастные случаи в осмысленный порядок, но именно это ему как раз не удается. Хронологический список должен заполнить брешь, которая появилась из-за недостаточности связывания, отсутствия игры по связыванию и развязыванию репрезентаций в психическом пространстве, которое функционирует в регистре влечения к навязчивому повторению «по ту сторону принципа удовольствия» и все время напоминает о травматическом состоянии.

Запрограммированное повторение, являющееся его образом жизни, оказывается одним из его симптомов, как и повтор «адреналиновых разрядок». Похоже, что они состоят из приступов диффузной, но очень интенсивной тревоги-отчаяния, граничащей с паникой. Подобные моменты ужаса нужно понимать как симптом травматического состояния, а не как его причину.

Господин З начинает испытывать подобные ощущения во время марафонов, которые он пробегает безостановочно; все это усугубляется возрастом, потреблением алкоголя и табака. Иногда он сталкивается со смертельной опасностью, находится на грани своих физических сил, но даже изможденный он все-таки не останавливается. В психическом плане он также ужасно страдает. Он бывает в полном отчаянии, испытывает чувство безнадежности, почти как потерпевший крушение, ощущает угрозу смерти. Он по-своему достигает этих ситуаций крайней опасности, «ада», о котором говорят приверженцы любых видов выживания.

Конец марафона является для него Голгофой, когда он пытается заставить запрограммированную в нем машину торжествовать победу над человеческим существом, которым он является.

Так он ищет успокоения, борясь при помощи специфического возбуждения с другим травматическим возбуждением, в рамках адского повторения, где моторное поведение используется в качестве самоуспокоительного приема¹⁵

¹⁵ Некоторые бегуны трусцой или марафонцы дополняют моторный прием самоуспокоения еще и перцептивно-сенсорным, беря с собой в дорогу плеер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.